

С. А. Лишаев

**«Дух»: семантический портрет
и философский комментарий**

Каждый пишет, как он дышит...
Булат Окуджава

Понятие «дух» принадлежит к числу тех понятий, которые могут служить своеобразным зеркалом самых фундаментальных мировоззренческих установок разных исторических эпох и разных национальных культур. Понимая «дух» и «духовное» так, а не иначе, каждая культура уже на уровне разговорной речи выражает самое себя, свое своеобразие и свою общность с другими культурными традициями. О кризисе «духовности» и о поисках выхода из этого кризиса немало было сказано в ушедшем столетии и, видимо, еще больше будет сказано в веке грядущем. В русской культуре, которая на уровне повседневных практик, на уровне повседневного языка продолжает активно оперировать представлениями о «духе» и о «духовном», вопрос этот стоит весьма остро. Сегодня, как и «вчера», в русской культуре о «духовном» говорит и «маленький человек», и депутат госдумы, и ученый-гуманитарий, и философ... Общее мнение таково: мы переживаем кризис «духовности», с «духовностью» в России дела обстоят не лучшим образом. Для одних подлинная, а ныне утраченная, духовность обнаруживает себя в прошлом, в «России, которую мы потеряли», для других она еще только должна раскрыть себя в будущей, демократической России, для третьих — «духовность» это такое понятие, от которого следует дистанцироваться как от симптома нашей провинциальности, традиционности, нашей «повязанности» собственным прошлым — самодержавным, имперским, советским.

Вместе с тем, очевидно, что продуктивный разговор о «духовном» в контексте современной философии и — шире — современной культуры может состояться только в том

случае, если мы постараемся отдать себе отчет в тех предпосылках, которые определяют направление нашей дискуссии. Действуя в духе стратегий постклассического мышления, мы считаем полезным проблематизировать языковую подоплеку наших размышлений о «духовности» с тем, чтобы прояснить культурно-семантические пред-рассудки философской рефлексии «духовного», превратить их в предмет специального анализа. Обсуждение проблемы «духа» и «духовности» в контексте современной культуры, современной философской, социологической и гуманитарной мысли, а тем более ее обсуждение в контексте изучения истории отечественной культуры или, еще более узко, — философии, хорошо было бы предварить кратким анализом семантического своеобразия русского «духа» в сопоставлении с его ближайшими европейскими родственниками (с немецким „Geist“, французским „esprit“ и английским „spirit“). Провести такое сопоставление имеет смысл хотя бы ради того, чтобы лучше понять семантические горизонты «духа» и «духовности», своеобразие его семантического «рельефа» или «ландшафта».

Мы исходим из того, что сама возможность мыслить «духовное» во многом предопределяется тем семантическим потенциалом, которым обладает слово «дух» и производные от него «духовность» и «духовное». Конечно, философ вправе придать слову новое, терминологическое значение, но это значение только тогда будет жизнеспособным, когда оно будет способно удержать смысловую связь с теми семантическими характеристиками, которые ему (терминологизируемому слову) присущи в качестве слова живого разговорного языка. Концептуализация феномена «духа» и «духовности», учитывающая смысловые потенции, заложенные в этом слове, имеет больше шансов обновить и углубить его философское понимание, чем безотчетное им пользование или же оторванное от его семантики отвлеченное терминологизирование.

Среди множества значений, присущих слову «дух», которые мы обнаруживаем в толковых словарях, можно выделить две группы значений.

1) Во-первых, это значения, связанные с *дыханием* (дыхание, воздух, запах), дух здесь трактуется так сказать мате-

риалистически.

2) Во-вторых, это значения, связанные с представлением о «духе» как о бестелесном начале, определяющем поведение, настроение, мышление и само бытие человека и мира, а также как об отличительном свойстве вещей, людей и состояний. И, наконец, сюда же следует отнести представления о духах как бесплотных существах. Эту вторую группу можно определить как область метафизических и религиозно-мифологических значений слова «дух». Ниже мы попытаемся детализировать семантику слова «дух» по каждой из только что выделенных нами групп его значений.

Значения,

определяющие семантический ландшафт первой группы¹:

1. То же, что дыхание (разг.). *Перевести дух* (глубоко вздохнуть, отдышаться; также перен.: передохнуть, сделать передышку). *Дух захватывает* (становится трудно дышать). *Одним или единым духом* (сразу, без передышки).

2. То же, что воздух... *Повеяло лесным духом. Вольный дух* (свежий воздух)².

¹ Приводимое ниже толкование двух групп значений слова «дух» основывается на соответствующих статьях толкового словаря В. В. Даля и словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (*Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999), кое-где дополняемых нашими собственными примерами.

² У В. В. Даля находим и такую конкретизацию слова «дух» в значении «воздух»: «Горн. Воздух, вдуваемый в плавильные печи» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М., 1996. Т. 1. С. 503). Воз-дух суть то, что мы в-дышаем, вбираем в себя и выпускаем из себя посредством дыхания. Отношение воздуха к духу как дыханию можно прояснить через аналогию с жидкостью, которую человек в себя вливает. Такое вливание жидкости выражается посредством приставки «воз-»: воз-ливание; подобно тому, как «входящая» во что-либо жидкость воз-ливается, а жидкость, «выходящая» из чего-либо, вы-ливается, из-ливается, также и дух-воздух, заполняющий мир и дающий всему живому силу «жить», то воз-дышается, то вы-дышается нами.

³ У Ф. Тютчева находим хороший пример употребления слова «дух» в значении «запах-воздух-вдыхаемый-человеком».

3. То же, что запах (прост.) *Тяжелый дух*³.

Значения,

определяющие семантический ландшафт второй группы:

1. Бестелесное существо; обитатель не вещественного, а существенного мира; бестелесное явление на земле, призрак, привидение. *Добрый дух*, ангел, дух света, чистый; *злой дух*, дух тьмы, дьявол, нечистый дух. *Святой дух*, третье Лицо Св. Троицы. *Дух Божий*, благодать, вдохновение, наитие, откровение.

2. Сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость, бодрость. *У меня на это не станет духу. Собраться с духом, придать кому духа*, смелости. *Человек с духом*, стойкий, смелый, храбрый. *Гореть духом*, быть исполненным ревности, усердия. *Присутствие духа. Боевой дух*.

3. Отличительное свойство, сущность, суть, направление, смысл. *Дух веры христианской. Его смущал дух суетности. Дух времени. По духу закона. Дух войны. Действовать в духе*

Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на свежую мечту...

<1835>

(Устаревшее слово «синель» в цитируемом отрывке означает «сирень»)

Приведем также несколько примеров, иллюстрирующих употребление слова «дух» в значении «запах» из словаря Даля: «*Здесь русским духом пахнет*». «*Он духу его не терпит*». «*Есть душок, мясо с душком, испорчено, протухло*». «*Забрать дух*, о звере, почуять охотника, или о собаках, почуять зверя». «*Ни духу*, ничего, нисколько, ни следу, ни тени» (*Даль В. В.* Там же. С. 503). Этот последний фразеологизм («ни духу» или — еще экспрессивнее — «ни слуху, ни духу») явно имеет в своей основе представление о том, что шум и запах (дух) от человека или животного суть то, что с минимальной ощутимостью свидетельствует (физически) о присутствии кого-либо или чего-либо. Слышимый «другой» (человек, зверь) все же действует, говорит, движется (его хоть и не видно, но зато слышно), а «запах», «дух» свидетельствует о чем-либо присутствии даже тогда, когда живое существо «замерло», не движется.

принятых решений. *Дух противоречия.*

4. Настроение, расположение. *Быть в духе, не в духе*, быть хорошо или плохо настроенным, расположенным, «быть веселу или скучну». *Доброе (прекрасное, плохое, возвышенное) расположение духа. Не падайте духом! Упасть духом.*

5. Сознание, мышление, психические способности. *Материя и дух. В здоровом теле здоровый дух.*

6. Душа⁴.

Дух как источник жизни (тела и души). Первое, что обращает на себя наше внимание в семантическом ландшафте этого ключевого для русской культуры слова, это то, что «дух» предстает здесь как *центр физической и психической жизни* человека.

Как *витальный, физиологический центр* «дух» суть дыхание человека, вбирающего в себя и выбирающего (выпускающего) из себя воз-дух; прекращение дыхания означает остановку жизни, смерть⁵. Дух как ритмичное чередование вдоха-выдоха, как дух-дыхание-дуновение *выражает* общее *физическое и психическое состояние человека*: напряжен он

⁴ Приводя это значение, мы следуем за некоторыми толковыми и этимологическими словарями (В. В. Даль: «Относя слово это („дух“. — Л. С.) к человеку, иные разумеют душу его...» (Даль В. Указ. соч. Т. 1. С. 503), П. Я. Черных: «Дух — ... 5) религ. „душа“» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 275). Нам, однако, не удалось найти примеры употребления слова «дух» в значении «душа» ни в этих словарях, ни в собственном языковом опыте (нам не удалось найти таких выражений, которые бы допускали замену слова «дух» словом «душа» без изменения смысла высказывания). Когда слово «дух» толкуют как «душу», то, как кажется, имеют в виду не столько взаимозаменяемость «духа» и «души», сколько близость их семантических полей и этимологических корней.

⁵ Понимание духа как дыхания, как начала жизни мы находим также в Библии. В книге Бытия, повествующей о Всемирном Потопе, читаем: «Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло» (Быт. 7:22).

И еще один, теперь уже поэтический пример. В заключительных строфах стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» мы обнаруживаем отождествление дыхания и жизни:

или расслаблен, утомлен или полон сил, взволнован или спокоен, вожделеет или страшится и т. д. Правильное дыхание — залог физического здоровья человека и вместе с тем показатель душевного состояния.

Как *центр психической жизни* нетождественный самой этой жизни, как проявляющее себя в ней начало, «дух» не есть ни мышление, ни сознание, ни воля, ни совесть, ни чувство⁶, но есть то живое средоточие, то за-душевное начало, из которого и которым определяются все человеческие деятельности, все специфически-человеческие способы отношения к миру и к самому себе. «Дух» мыслится в русском языке как начало, определяющее возможность и характер эмоциональной, мыслительной, волевой, нравственной и т. д. жизни человека, которое не может быть отождествлено ни с

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Человеческая жизнь, ее минимальное присутствие связывается Лермонтовым с «первым и последним всего живого» — с «дыханием». Тихой, «грудной» жизни вторит жизнь природы, открывающая себя «спящей душе»: темный дуб (символ природной красоты и мощи) «шумит», «склоняется», то есть, подобно человеку, — живет, дышит.

⁶ В лучшем (из представленных в отечественных философских словарях и энциклопедиях) на сегодняшней день толковании философского понятия «дух», которое принадлежит А. Л. Доброхоту, находим следующее пояснение специфической апатичности этого понятия: «Понятие „дух“ в отличие от „разума“ (и тем более „рассудка“) не столь жестко связано с рационально-познавательными способностями; в отличие от „интеллекта“ соотносится, как правило, со своим персонифицированным носителем, с „лицом“; в отличие от „души“ акцентирует объективную значимость своего содержания и его относительную независимость от стихии

одним из частных проявлений человеческого бытия.

Таким образом, несмотря на бросающееся в глаза различие двух основных значений слова «дух», его семантические полушария *внутренне согласованы*, так что на примере этого слова мы легко можем проследить характерное для архаического, мифологического мышления отождествление идеальных и чувственно-телесных начал бытия. Не случайно мертвые языки великих культур древнего мира, в отличие от рабочих языков новоевропейской философии (немецкого, французского, английского), связывают «дух» с «дыханием».

эмоциональных переживаний, в отличие от „воли“ на первый план выдвигает созерцания и смыслы, которые могут определять действия, а не акт свободного выбора, в отличие от „сознания“ фиксирует не столько дистанцию между Я и его эмпирическим наполнением, сколько их живую связь; в отличие от „ментальности“ не включает в себя неосознаваемые механизмы традиционных и повседневных реакций и установок» (Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. М., Мысль. 2000. Т. 1. С. 706).

⁷ «Псюхе (*греч.* Ψυχή — душа), термин древнегреческой философии, душа, исконное этимологическое значение — „дыхание“ (ср. рус. „душа, дух“ — „дышать“, „воздух“). У Гомера П. употребляется в значении: 1) „жизненной силы“, покидающей тело с последним издыханием; 2) бесплотного „призрака“ (eidwlon), после смерти человека существующего в Аиде, но полностью лишённого сознания и памяти. <...> Новая, антигомеровская концепция П. распространяется начиная с VI века до н. э. в пифагореизме и орфизме: П. понимается как „демон“, т. е. бессмертное существо божественного происхождения, ее странствия по телам и душам — как „наказание“ за первобытный грех Титанов, „тело“ — как „могила“ души, цель праведной жизни — как „очищение“ (катарсис) от скверны, искупление вины и возвращение П. на небесную прародину» (Философский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 551).

⁸ «Пневма (*греч.* Πνεῦμα, первоначально — дуновение, вдыхаемый воздух, дыхание, позднее — дух, от πνέω — дую, дышу), термин др.-греч. философии и медицины. У натурфилософов VI в. до н. э. П. употребляется для обозначения элемента „воздуха“. <...> Начало спиритуализации П. было положено отождествлением воздуха-П. с субстанцией души (псюхе) в традиции Анаксимена — Диогена Апполонийского, у которого также впервые фиксируется представление о

Так, например, греческая душа («псюхе»⁷) и дух («пневма»⁸), латинский spiritus⁹ и древнеиндийская «прана»¹⁰ своим исходным значением имеют именно «дыхание» как вдыхание-выдыхание воз-духа.

Современный русский язык сохраняет *характерную для*

жизненном дыхании — П., движущемся в венах вместе с кровью; это представление проникло затем как в гипократовскую (косскую) школу, локализовавшую источник П. в мозгу, так и в сицилийскую школу врачей, локализовавшую источник П. в сердце. <...> В стоицизме П. — тончайшая и подвижнейшая субстанция (у Хрисиппа — смесь огня и воздуха), отождествляемая с панкосмич. имманентным божеством, „пронизывающая“ космос жизненным дыханием и объединяющая его в целостный организм, как душа — тело, но различаясь при этом степенью интенсивности, или натяжения. <...> Полное одухотворение П. происходит в среде эллинистич. иудаизма на рубеже н. э.: уже в «Книге премудрости Соломона» П. выражает прямое вмешательство Бога в мировую историю; Филон Александрийский называет П. „божественный дух“ — высшую (бессмертную и бестелесную) часть души... <...> В христианской теологии Рпейта «Agion — Святой Дух, третье лицо Троицы» (Там же. С. 503).

⁹ «**Spiritus.** us. m. I) дуновение, 1) дуновение ветерка, веяние, струя воздуха... 2) вдыхание воздуха, дышание... 3) дыхание, дух, <...> дыхание meton. = жизнь..., вздох..., шипение змеи. — II) ирегн., 1) дух... 2) настроение, образ мыслей... 3) иметь, парение мысли, вдохновение». А вот основные значения соответствующего латинского глагола «spiro»: «**Spiro,** avi, atum, are, I) intr.: 1) дуть, ... 2) сопеть, шипеть, пениться, бушевать, волноваться... 3) дышать... а) жить, быть живым, не угасать... б) (поэт.) о произведениях искусства, казаться живым... с) (поэт.) чувствовать себя вдохновленным... 5) (поэт.) пахнуть, благоухать... II) Tr.: 2) выдыхать, распространять» (Петрученко О. Латинско-русский словарь. Репринт IX-го издания 1914 г. М., 1994. С. 604–605).

¹⁰ «Прана (*санскр.* prāna, букв. — дыхание), в др.-инд. философии дыхание как жизненный принцип, жизнь как одушевляющее начало и общемировой процесс. Нередко П. (во множеств. числе) обозначает органы чувств, жизненные силы и т. п. (в частности, к П. относят речь, обоняние, глаз, ухо, манас, познание (виджняна), кожу, семя и т. п.). Понятие П. известно уже в «Ригведе», но подробную разработку оно получает в упанишадах, где оформилась клас-

древнегреческой, древнеримской и древнеиндийской традиции этимологическую и семантическую связь исходного физического и физиологического значения слова «дух» с его последующими «спиритуалистическими» значениями¹¹, что отличает русский «дух» от «духа» языков, определивших характер и направление новоевропейской философии. Ни немецкий „Geist“, ни французский „esprit“, ни английский „spirit“ не удерживают этимологической и семантической связи духа с дыханием, во всяком случае, такая связь в этих языках не просматривается, а потому и не ощущается носителями этих языков.

сификация типов дыхания и была сформулирована теория о превосходстве жизненного дыхания П. над др. органами жизнедеятельности. <...> П. — это не только психофизиологич. понятие, связанное с жизнью, с человеком, но и некий космич. принцип, объединяющий микрокосмос и макрокосмос (учение о П. имеет многочисленные аналогии с концепциями мировой души, жизненного духа). Соединяясь с манасом, П. образует жизненное „Я“ человека, с которым может отождествиться атман-субъект» (Философский энциклопедический словарь. С. 524.). По определению Новой философской энциклопедии прана суть «совокупность жизненных „ветров“ и витальных энергий, рассматриваемая индийскими мыслителями как основа жизни индивида» (Новая философская энциклопедия. Т. 3. С. 326).

¹¹ Интересно, что в Ветхом завете слово «дух» (*евр.* «руах», ruah), также как в русском, древнегреческом и латинском языках, используется и в значении «дух» (дух Божий, сила божественного вдохновения), и в значении «ветер», «дуновение». По замечанию С. С. Аверинцева «эта связь выявляется и ветхозаветным и новозаветным повествованиями (за сошествием Духа Святого на 70 старейшин следует сильный „ветер от господ“, Чис. 11; „сошествие Духа Святого“ на апостолов сопровождается шумом с неба „как бы от несущегося сильного ветра“ и неким подобием языков огня, Деян. 2, 1-4). В архаических текстах Ветхого завета Дух Святой („дух Яхве“, „дух Элохим“) сообщает полководцам воинственное воодушевление (Суд. 3, 10; 11, 29; особенно 14, 6 и 19...); охваченный Д. с. делается „иным человеком“, получает иное сердце (1 Царств 10, 6 и 9)». (Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. 2-е изд. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 412).

О характерном для древнееврейской традиции соединении материального и сакрального в истолковании «руах» Н. А. Бердяев

Дух и душа. Из всего только что сказанного понятно, почему для русской культуры и для русской философии оказывается не всегда просто провести различие понятий «душа» и «дух». В русской культурной традиции, закреплённой в языке и вместе с тем постоянно воспроизводимой через него, слова «дух» и «душа» оказываются семантическими побегими, растущими из одного лексического корня. Эти слова обнаруживают общую для них этимологическую укорененность в «дыхании» (а также «воздухе», вдыхаемом человеком и имеющим «запах»¹²) как центре жизненной силы, наполняющей и тела людей, и «тело мира». И дух, и душа, мыслимые как внутренний *жизненный* центр человека, со временем (на Руси, со времени ее крещения) стали рассматриваться как бесплотный (идеальный, невещественный) центр высших способностей человека (сознания, эстетического переживания, воли, веры и т. д.). В христианизированной культуре восточных славян и дух, и душа стали мыслиться как особые, отличные от тела сущности, покидающие человека «с последним вздохом» и способные существовать отдельно от тела (представление о бессмертии души и о духах-привидениях, ведущих призрачное существование на земле по смерти тела). И душа, и дух в этой традиции рассматриваются как самые ценные, «высшие» начала в человеке; именно через дух на душу и на человека нисходит Благодать.

(в работе «Дух и реальность») писал так: «Rouakh значит... легкое, не имеющее консистенции, неуловимое. Оно значит также дуновение Бога, дар жизни, полученный от Бога. Жизнь зависит от Бога, человек сам не обладает жизнью. Rouakh возвращается к Богу, а душа нисходит в могилу. Древнееврейской мысли было чуждо противопоставление духа и материи, свойственное Платону или Декарту. Живое существо есть тело, заключающее в себе дух жизни» (Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 317).

¹² Сравни, напр.: Душистые цветы, духовитое сено. В этих синонимах («душистый», «духовитый») совершенно отчетливо прослушивается их общий этимологический корень: дыхание, воздух.

Тем не менее, представляется ошибочным, хотя и объяснимым, рассмотрение «духовного» и «душевного» в качестве синонимов¹³. При всей этимологической и семантической близости слов «дух» и «душа» слово дух все же вполне определенно мыслится как нечто онтологически более исходное, «глубокое» и более свободное от тела, чем душа, что, конечно, связано с тем обстоятельством, что «дух» мыслится как третья ипостась Бога, как Св. Дух. Отсюда и характерное для христианской традиции рассмотрение «духа» как «искры Божией» в человеке¹⁴. В христианстве Дух — это Бог. Человеческий дух — это то в человеке, что в нем «от Бога». Св. Дух в Троице — источник божественной любви и животворящей силы. Дух веет, где хочет, он деятельно присутствует в мире и преображает его.

Использование в современной языковой практике слова «дух» для обозначения высшего деятельного начала в человеке параллельно с использованием слова «дух» для обозначения Бога в той Его ипостаси, которая постоянно присутствует в мире и «животворит его»¹⁵, приводит к тому, что

¹³ Так, в Словаре синонимов читаем: «ДУХОВНЫЙ (*связанный с умственной, нравственной, психической деятельностью человека*) Духовный мир. Духовные силы, ВНУТРЕННИЙ (*Внутренняя жизнь, ДУШЕВНЫЙ (*относящийся к психической деятельности человека, составляющий и выражающий ее*)*)» (Словарь синонимов русского языка/ ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель, 2001. С. 132).

¹⁴ У В. В. Даля по этому поводу находим целое рассуждение, указывающее на неустойчивость размежевания в языковой практике «душевного» и «духовного»: «Относя слово это („дух“ — Л. С.) к человеку, иныеразумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному» (*Даль В. В. Указ. соч. С. 503*).

¹⁵ «...Под выражением Дух Божий в Библии подразумевается духовная сила, которою Бог оживотворяет, пробуждает и укрепляет. Так, Дух Божий оживотворяет первобытный хаос (Быт. 1,2), пробуждает к жизни первого человека (Быт. 2,7), им поддерживается бытие и продолжение мира (Иов. 27, 3; 33, 4; Ис. 42, 1, 6), он руководит судьбой отдельного человека (Иов. 32, 8) и судьбой всего чело-

дух рассматривается как высшее, божественное начало в человеке, как то, через причастность чему, через чье действие он являет себя как существо, сотворенное «по образу и подобию Божию».

Бог, на что в контексте наших разысканий следует обратить особое внимание, «вдунул» дух в «лице» человека, наделив его «дыханием жизни». Бог-Дух¹⁶ вдохнул в человека «дух» и наделил его «душой», завершив творение мира¹⁷. Человек как одушевленное существо (по Библии) вдохновен-одушевлен Творцом. И если в рамках дохристианского сознания дух как дыхательно-животворящее начало мыслится в качестве особой силы, энергии, разлитой в мире, пронизывающей мир, или даже в виде особого, отделимого от человека существа¹⁸, то в христианскую эпоху дух как «нача-

вечества (Агг. 2, 6), он — источник особых благодатных даров (Быт. 41, 38), (Исх. 31, 3), (Числ. 44, 2) и т. д.» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 тт. Т. 1. Репринтное издание. М.: Концерн «Возрождение», 1992. С. 801).

¹⁶ В первых главах книги Бытия, в описании творения мира, Бог предстает как *Дух*: «Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 1-2).

¹⁷ «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7).

¹⁸ Как известно, представления о духах были повсеместно распространены в традиционных культурах, а кое-где сохраняются и сегодня. «Духи» — существа, связываемые с человеком, его телом и жизненной средой. Характерно, что духи рассматриваются в их активном и постоянном взаимодействии с человеком, «ежечасно определяя особенности его душевного и психического состояния» (Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 1. С. 413). Таким образом, дух суть нематериальная сила, определяющая состояние человека, состояние его тела и души. «В некоторых дуалистических мифах духи делятся на злых, вредящих человеку (демонов), и добрых, полезных для него (духов-хранителей или помощников). Однако для большинства мифологий характерно относительное безразличие многих духов по отношению к делению на вредных или полезных для человека; добро или зло, приносимое духами, определяется не столько их постоянной природой, сколько ролью

лю» души оказывается мистическим центром человека¹⁹, в котором и через который Бог воодушевляет человека, являет ему себя, причем местом локализации Духа оказываются сердце и легкие человека, его грудь²⁰. Дыхание, дух — то, что делает человека живым, одушевленным и связывает его с Богом, с Духом. Дыхание — есть та жизненная способность человека, приданием которой последнему Бог завершает творение мира.

в данной ситуации» (Там же. С. 413). В архаических обществах существуют представления о духах-покровителях человека и его рода, о духах отдельных частей тела («дух лба», «глазной дух» и др.). «Другую категорию духов, которые могут быть помощниками или противниками человека, представляют духи, обитающие в доме (восточнославянский домовый и др.) и отдельных его частях... Выделялись также духи источников, озер, рек (духи вод), лесов и гор. Для развитых мифологий с обширными пантеонами характерна подвижность границы между такими духами и богами (дух вод мог достаточно легко превращаться в водяного бога, дух леса типа восточнославянского лешего — в бога леса). Особые духи соотносились с отдельными животными... (Там же. С. 413).

¹⁹ Впрочем, в библейской традиции существует и представление об ангелах (в Библии они часто называются духами (Пс. 150:6; Евр. 1: 14; Откр. 1:4; Мф. 8: 16, Лк. 10: 20) как о «личных, духовных существах, сотворенных Богом» (Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х томах. Т. 1. М., 1993. С. 73). По церковному учению ангелы — «существа, сотворенные Богом прежде творения видимого мира; они духовны и бестелесны или, может быть, имеют некоторое эфирное тело; если они принимают видимый образ — это только случайная форма, а не постоянное бытие. Для ангелов не существует наших пространственных условий, но они не вездесущи. Они более совершенны, чем даже первозданный человек, но в совершенстве ограничены: несмотря на быстроту и глубину разума, не всеведущи; несмотря на чистоту и святость, могут подвергаться искушениям. Они сотворены свободными, а потому могли свободно устоять в добре, как светлые ангелы, и пасть, как злые духи (Там же. С. 74). Падшие духи называются в Библии „духами злобы“, „бесами“, духами бесовскими, падшими ангелами» (подробнее см.: Там же. С. 474).

²⁰ Тему сердца как центра духовной жизни развивали многие русские религиозные мыслители (П. Д. Юркевич, о. П. А. Флоренский,

Итак, с приходом на Русь христианской веры «дух» стал мыслиться как высшее, наиболее ценное с религиозной точки зрения начало в человеческом существе, как такое начало, которое связано вот-с-этим-вот телом, но при этом отлично от всего телесного. *Дух — по пред-рассудку русского языка — это нечто такое «в» человеке, что не есть «сам человек», но есть то в нем, что делает его человеком*, что делает душу человека особенной, отличной от всех одушевленных тварей. «Дух» одухотворяет «душу», он ее «вдохновляет»²¹. Душа же — *это сам человек* (одно из значений слова душа — «человек»²²).

Человек, как он понимается в русской культуре, может быть «в» духе, а может быть не «в» духе, человеку может

Б. П. Вышеславцев и др.). Об особом, центральном месте груди в духовной жизни человека писал в своем «Столпе...» П. А. Флоренский, учивший, что именно грудь есть тот орган, та часть человеческого тела, с которой связана «правильная», нормальная мистика. «Только мистика средоточия человеческого существа, мистика первым делом открывающая доступ в человека благодати, питающей недра его, только эта мистика исправляет личность и дает ей возрастать от меры в меру» (Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990. С. 267).

²¹ Этимологически и семантически вдохновение связано с дыханием-вдыханием. Художник во-одушевляется тем, что приходит к нему «извне», подобно тому, как жизненная сила вливается в человека вместе с воздухом, входящим в легкие из окружающего мира, из «космоса». Вдохновение в стихии русского языка предстает как веяние духа, как действие на человеческие души некоей высшей, благодатной силы (внешней и вместе с тем внутренней, входящей в человека и действующей на него подобно воздуху, который вдыхается-выдыхается им и животворит его, оставаясь чем-то вне его находящимся, объемлющим его). Творчество, где и как бы оно не проходило, и в чем бы оно не реализовывалось, может быть рассмотрено как ритм, как чередование «вдоха-выдоха»: вдохновение (вдох) — произведение, научное открытие, философская идея и т. д. (выдох). Веяние духа — его предметный «след». Вдох — выдох, вдох — выдох.

²² Вот примеры отождествления души с человеком «в целом»: *Загубить невинную душу* (убить человека). *Куда твою душу носило?* (Где ты был?). *Ревизские души. В доме не было ни души.*

«хватать» или «не хватать» духа («у него не хватило духа сделать то-то и то-то»). Одним словом, «дух» в стихии русского языка есть нечто более основательное, чем душа, что-то безусловно особенное в человеке, нечто, что делает его душу человеческой душой. В этой близости и вместе с тем несводимости духа и души (дух и душа здесь предстают как нечто нераздельное и неслиянное), следует видеть специфическую особенность русского сознания, своеобразие русского смыслового универсума.

Душа — то, что дышит и «(в)одушевляет» человеческое тело (как целое) и мыслится как пронизывающая его сила, дух же представляется (в пространстве его русской семантики) чем-то более отдаленным от жизни тела и мыслится, скорее, как то, чем «(во)одушевляет-ся» *душа*. Дух (если следовать семантическими тропками, проложенными нашими предками в пространстве русского языка) — начало души, а душа — начало тела. Дух есть как бы воздух, которым дышит-живет человек. Человек суть единство тела, души и духа; только душа, воплощенная в теле, — и притом одухотворенная духом — дает целого человека.

Важно отметить и то обстоятельство, что «душа» может быть не только активной («делать дело с душой», «гореть душой»), но и пассивной: душа может «болеть», «ныть», за нее можно «тянуть», ее можно «выматывать» или даже «выворачивать наизнанку»... Слово «дух» подобных предикатов не допускает²³. Душа в каком-то смысле отождествляется с конкретным, эмпирическим человеком («ревизская душа», «в доме не было ни души»), с его живым, чувствующим и

²³ В то же время, и как витальная активность, как веяние воздуха в легких («дух-дыхание»), и как веяние Другого дух иногда представляется русским языком как то, что *как будто бы* находится в пассивной позиции: «у него дух захватило от страха (восторга)», «он был в угнетенном расположении духа». Однако и в первом, и во втором примере претерпевающим оказывается человек, чье «духовное расположение» резко изменилось, а не дух.

мыслящим телом, а потому *может быть как активной, так и пассивной, претерпевающей*, ведь претерпевать может лишь «протяженное», наделенное телесностью существо. Душа — это дух, дыхание, воздух, вошедшие в тело, оживотворившие и животворящие его дышащую плоть, а потому душа — суть «внутреннее тело» человека и должно разделить его судьбу. Не случайно поэтому, что, говоря о смерти и воскресении, говорят о воскресении телесном, ибо о воскресении имеет смысл вести речь только применительно к тому, что смертно, а смертно — человеческое тело. Душа же, соединенная с телом, может мыслиться или как разделяющая его долю («смертная душа»), или как покидающая тело «бессмертная душа»²⁴. Русский язык семантически противопоставляет душу и тело и вместе с тем — соединяет их «в одно». Дух же в русском языке предстает как начало, способное свободно «веять» в человеке, во-одушевлять его, не смешиваясь с его телом. Именно поэтому можно иметь разные точки зрения на смертность или бессмертие души, верить или не верить в ее возможное (вместе с телом) воскресение, дух же в принципе не может быть смертным, ибо он не связан с «конечным», хоть и воздействует на него.

Таким образом, дух — это Другое (не сущее) в человеке как сущем. «Нормальное» положение души — быть «соединенной» с телом, для духа же (не важно, понимать ли его

²⁴ Рассматривая своеобразие эмоционально-волевого отношения к внутренней определенности человека (к душе), М. М. Бахтин подчеркивал отличие «души» от «духа» в разных отношениях, в том числе и отличие этих понятий в религиозно-метафизическом плане, в плане рассмотрения вопроса о смерти и бессмертии. По этому поводу М. М. Бахтин (в работе «Автор и герой в эстетической деятельности») писал: «...Не подлежит сомнению, что проблема бессмертия касается именно души, а не духа, [что она касается] того индивидуального ценностного целого, протекающей во времени внутренней жизни, которое переживается нами в *другом*... [Проблема бессмертия касается] души, лежащей в одном ценностном плане с внешним телом другого и не разъединимой с ним в момент смерти и бессмертия (воскресение во плоти)» (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 89).

материалистически, как воздух, дыхание, запах или как Божий Дух, как дух эпохи, как невещественное начало, определяющее бытие человека) «нормально» быть не отождествимым ни с телом, ни с душой. Дух (как воздух-дыхание) только входит и выходит из человека, давая ему силы жить, но, оставаясь при этом чем-то внеположным человеку, чем-то окружающим его «извне», чем-то, следовательно, таким, что останется и после того, как человек умрет. Дух и его (человека), и — не его. Дух как нематериальная сила, энергия, спонтанность, свобода, Божество тем более не есть то, что можно было бы отождествить с человеческим телом, а следовательно, — и с человеческой душой, которая принадлежит определенному телу (или, может быть, наоборот, в данном случае — это значения не имеет). Дух, именно, «веет, где хочет», не важно, скажем ли мы это о духе толкуемом спиритуалистически или виталистически. Не важно, «питается ли» одушевленное тело «воздухом-духом» (дышит), или это душа, «оживляющая тело», питается невещественным и не поддающимся объективации духом. И в том, и в другом случает дух — это то, что «во мне, но не мое». Дух поэтому, когда мы говорим о его «присутствии», сам проявляет себя, определяя то, что может или чего не может человек в данный момент, в то время как *одушевленный* им человек, может быть и активным, и пассивным.

Характер речевого обращения лексической единицы «дух» позволяет сделать заключение, что в русском языке он опознается как *некое активное начало, как такое Другое*, которое «*дает о себе знать*» человеку так или иначе «в» нем располагаясь (иногда явным, иногда неявным для него образом), и определяет его настроение, его способность или неспособность к чему-либо.

Через свою связь с душой, с дыханием и воздухом русский «дух» задает несколько отличный от западноевропейской традиции горизонт понимания «духа» и «духовного». В английском, немецком и французском языках между душой и духом нет языковой «близости» (обеспечиваемой — в ситуации русской речи — этимологической укорененностью этих слов в дыхании). В этих языках дух и душа на вербальном уровне не обнаруживают фонетической, этимологичес-

кой и семантической связи (ср.: „Geist“ и „Seel“ (нем.), „esprit“ и „ame“ (фр.), „spirit“ и „soul“ (англ.)).

На этом фоне становится понятна экзистенциальная направленность русской философской мысли и характерная для нее тенденция к религиозно-метафизическому истолкованию душевной жизни человека с одной стороны, и к витализации космоса (концепт мировой души, гилозоизм, символизм, учение о софийности мира, русский космизм) — с другой. Ведь в стихии русского языка дух есть начало души и *всех ее способностей* (разума, воли, чувства и т. д.), *но не какой-то одной ее способности* (будь то воля или, к примеру, разум). Понимание духа как центра всех человеческих способностей нашло свое отражение уже в учении И. В. Киреевского о «цельном» или «верующем» разуме, поднимающимся над всеми человеческими способностями как их целостность и глубинный деятельный центр. В этой тенденции к пониманию мира и человека в виталистическом и метафизическом горизонте дышашего-тела-души-духа можно видеть одну из причин особой симпатии многих русских мыслителей к Шеллингу²⁵.

Дух и мышление. Если продолжить сравнение русского слова «дух» с его иноязычными аналогами, то мы увидим, что в качестве внутреннего центра психической жизни, не

²⁵ Здесь трудно удержаться от того, чтобы не процитировать фрагмент знаменитого стихотворения Ф. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...
<...>

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, знать, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

предполагающего редукции к какой-либо специфической способности человека, «дух» сближается с английским „spirit“ и заметно отличается от немецкого „Geist“ и французского „esprit“²⁶, в чьих семантических полях круг значений, связанный с понятиями «разум», «ум», «мышление», «сознание», весьма широк и, судя по обилию связанных с этим значением фразеологических оборотов и производных от соответствующего корня слов, развивающих это «интеллектуалистическое» его значение, весьма употребим в языковой практике немецко и франкоязычных культур²⁷.

Этому заключению как будто бы противоречит одно из приведенных нами выше значений русского «духа»: «созна-

²⁶ **Spirit** в английском языке имеет следующие значения: 1) дух; духовное начало; 2) привидение, дух; 3) человек (с точки зрения душевных и нравственных качеств) 4) сущность, смысл; 5) моральная сила, дух, характер; 6) настроение, душевное состояние; 7) храбрость; воодушевление, живость; 8) дух, общая тенденция; 9) алкоголь, спирт (См.: *Мюллер В. К.* Англо-русский словарь. М., 1977. С. 709). Можно думать, что английский эмпиризм с его извечным противостоянием континентальному рационализму находит выражение (и вместе с тем - пред-положен) самим разведением «ума» (mind, mentality, intellect) и «духа» (Spirit). Английский spirit оказывается гораздо свободнее от интеллектуализма, чем его немецкие и французские аналоги.

²⁷ **Esprit** во французском языке имеет следующие значения: 1) ум, рассудок (светлый ум; остроумный человек; медленно соображать, потерять рассудок, у него извращенный ум; он задним умом крепок), 2) остроумие, 3) дух; сознание, 4) смысл, 5) характер, 6) сметка, сноровка 7) сознание (потерять сознание) 8) дух, привидение, 9) спирт (См.: *Гашина К. А.* Французско-русский словарь: 51 000 слов. М.: Рус. яз., 1987. С. 352—353). В полном соответствии с таким языковым толкованием слова „esprit“ находится и собственно философское толкование этого термина во французской культурной традиции: «**ДУХ: принцип интеллектуальной жизни, разум.** Понятие „дух“ более точно, чем „душа“, которая одновременно и принцип жизни, и принцип мысли...» (*Дидье Жюлиа.* Философский словарь. М.: Международные отношения, 2000. С. 125).

ние, мышление, психические способности». Но противоречие это — кажущееся. Еще в девятнадцатом веке слово «дух» было совершенно лишено связи с сознанием и мышлением, что мы можем наблюдать, в частности, на примере соответствующей статьи в словаре В. В. Даля. Стало быть, понимание духа как сознания и мышления — сравнительно недавнее и не слишком укоренившееся в повседневной речи семантическое приобретение. Причина появления нового значения очевидна: около двадцати лет активной пропаганды марксизма «в рабочих массах» в дореволюционный период и еще семьдесят лет работы в том же направлении в советский

Geist в немецком языке имеет следующие значения: 1) дух, душа, 2) дух (моральная сила), 3) дух (отличительные особенности), 4) ум, образ мыслей, остроумие (быть умным, остроумным, блестящий ум, техническая мысль, произошло столкновение мнений, мысленно он был с нами, он тяжелодум, известно, что это за человек), 5) призрак, привидение. Кроме того, в немецком языке мы находим множество слов, образованных от корня Geist и имеющих в виду умственные способности человека: **geistbildend** развивающий ум; **Geistesarbeit** умственная работа, умственный труд; **Geistesanlagen** умственные способности; **Geistesarmut** бездарность; **Geistesbildung** умственное развитие; **Geistesfunken** остроумная мысль, блески остроумия; **Geistesleben** умственная жизнь; **Geistesprodukt** продукт ума; **Geistesschaffenden** интеллигенция, люди умственного труда **Geistes||verwandtschaft** единомыслие; ~ **wissenschaften** гуманитарные науки (См.: *Немецко-русский словарь: 80 000 слов.* / Под ред. А. А. Ленинга и Н. П. Страховой. М., 1968. С. 346).

Если иметь в виду возможность «интеллектуалистического» прочтения духа на базе семантики немецкого **Geist**, то станет понятнее, почему толкование духа как мышления было столь масштабно осуществлено на немецкой почве Гегелем, а также то, почему Гегель и его философия привлекли такое внимание русских интеллектуалов и почему в дальнейшем философия Гегеля вызвала такую острую критику. С одной стороны, это была философия, которая на первое место ставила «дух» и с позиций духа выстраивала целостную, универсальную систему философских категорий (и это было близко русским мыслителям религиозно-метафизического склада), с другой стороны, русские философы не могли согласиться с пониманием всего мира духа и духовного на основе «понятия», «мышления», «логики».

период русской истории повлияли на семантику слова «дух». Толковые и энциклопедические словари советского времени, а вслед за ними и некоторые современные издания, следуя укрепившейся за семьдесят лет языковой практике русского и советского марксизма, толкуют «дух» как «сознание», «мышление», «умственные способности», «разум», противопоставляя его «материи»²⁸. Однако, если мы посмотрим на область словоупотребления слова «дух» в значении «сознание», «мышление», то увидим, что эта область и в советское время ограничивалась преимущественно сферой идеологии (истмат и диамат, психология, социология). Что же касается языковой повседневности, то здесь употребление слова «дух» в значении «сознание, мышление» было большой редкостью. В наши дни, когда марксизм утратил господствующие позиции и в сфере общественного сознания, и в рамках философского дискурса, дух-как-сознание-и-мышление, можно предположить, что, вероятно, слово «дух» в этом новом для него значении удержится в языке философских учебников и монографий, а в толковых словарях оно будет приводиться с пометками типа: «устар.», «книжн.», «философск.»²⁹.

²⁸ Если бы при этом словари указывали, что трактовка духа как сознания есть одна из его философских трактовок, — это была бы понятная и естественная для отечественной культурной традиции ситуация. Но дело в том, что толковые словари советского времени приводят интеллектуалистическое значение слова «дух» («дух» как «мышление») вне указаний на профессионально-философский контекст, как первое, ближайшее и общераспространенное его значение: «ДУХ, -а (-у), м. 1. Сознание, мышление, психические способности» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 183). Именно такой результат и был целью широкой пропаганды марксизма в годы советской власти, коммунистам важно было изменить сознание народа посредством внесения в язык новых понятий и придания новых значений ключевым для дореволюционной русской культуры словам. Однако была ли эта цель достигнута? Не выдают ли некоторые словари желаемое (идеологами советского государства) за действительное?

²⁹ Не случайно, что в Толковом словаре современного русского языка на первое место ставится уже не интеллектуалистическое значение слова «дух», а его религиозное и мифологическое значе-

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что внедренное в языковую практику идеологами марксистского толка употребление слова «дух» в значении «сознание» и «мышление» никак не отразилось на семантическом поле таких лексических производных этого слова, как прилагательное «духовный» и существительное «духовность»³⁰.

Сопроотивление русского языка интеллектуализации «духа» свидетельствует о том, что трактовка духа как сознания и мышления не отвечает его традиционному для русской культуры

ние: «1. Святой Дух. <...> 2. Рел. Нематериальное, божественное начало в человеке. <...> 3. Мифол. Бесплотное сверхъестественное существо, доброе или злое, связанное с жизнью людей» (Толковый словарь современного русского языка. С. 238.).

Большой энциклопедический словарь, давая чисто философское толкование слова «дух», среди основных философских значений этого слова находит место и для рационалистического истолкования духа: «Дух, философское понятие, означающее не вещественное начало, в отличие от материального, природного начала. Д. истолковывается как субстанция (пантеизм), личность (теизм, персонализм). В рационализме определяющей стороной Д. считается мышление, сознание, в иррационализме — воля, чувство, воображение, интуиция и т. п. (Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 381).

³⁰ «Духовный, бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; все относящееся к Богу, церкви, вере; все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля // Духовное родство плуце плотского. Духовный отец, духовник, у кого исповедуешься.

Духовность ж. сост. духовного». Это по В. В. Далю (Даль В. В. Указ. соч. Т. 1. С. 503).

В прошедшем столетии ситуация в основном не изменилась. Правда, в том, что касается слова «духовность», то здесь все же предпринимались попытки истолковать «духовность» в горизонте «мышления». См. напр.: «Духовность, -и, ж. Свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 183). Но и здесь весьма показательным моментом является .

семантическому «коду», а потому стихийно, «снизу» отторгается языком. Когда сегодня мы употребляем термин «дух» в философском или гуманитарном дискурсе, мы тем самым волеиневольно втягиваемся в разговор *о границах классического разума* Нового времени. К этому нас располагает, в частности, сама семантика русского духа, который, обозначая одновременно и витальный, и идеальный центр человеческого бытия в мире, а также деятельное и личное начало мира (Дух как Бог), противится любым попыткам изоляции и гипостазирования одной из способностей человека (пусть и высшей) как основы философского истолкования человека, общества и мира.

то, что «интеллектуальное» истолкование «духовности» отодвинуто на задний план, а на первое место вышло тавтологичное определение «духовности» через «духовное». Если же говорить о прилагательном «духовный», то оно никогда и ни в каких словарях русского языка с мышлением и познанием не связывалось